

A movie poster for 'Музей волшебств Том 2'. The background is a vibrant teal with glowing white energy lines. A woman, Karina Kitova, stands in the upper half, holding two golden spheres in her palm. In the lower half, a man in dark traditional attire is crouching, holding a large, ornate sword. The overall mood is magical and action-oriented.

**КАРИНА
КИТОВА**

**МУЗЕЙ
ВОЛШЕБСТВ**
ТОМ 2

18+

Карина Китова
Музей волшебств. Том 2
Серия «Камни переходов», книга 2

<https://litres.ru/73890894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Цзо вернул Фолу домой, как и говорил. Но Фиолетта не сдержала слова — она пообещала невозможное. Теперь Фола осталась без друзей, а Цзо объявлен предателем и не может вернуться в свой мир.

Единственная возможность всё исправить — найти пропавший экспонат. Но в каком из миров искать?

«Карина, роман ваш мне нравится очень! Это настоящая большая литература, безо всяких скидок». (Александр Молчанов, писатель, драматург, сценарист).

Содержание

Цзо	4
Глава 1. Знакомства	5
Глава 2. Тренировки	18
Глава 3. Стенка	26
Глава 4. Юлия	36
Глава 5. Прощание	48
Глава 6. Знак	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Карина Китова

Музей волшебств. Том 2

Цзо

По-прежнему посвящается мужчине, который стал главным учителем моей жизни.

— Я люблю тебя во всех мирах.

— Есть миры, в которых ты меня не любишь.

— Таких нет.

(из личной беседы)

Глава 1. Знакомства

Я предполагал, что Фола обманывает, но не представлял, насколько тяжёлым окажется для меня её признание. Она не знала о юйсян ничего. Сидя за решёткой в министерстве наказаний, Фола ухватилась за мои слова о поддельных колокольцах грядущего и быстро сообразила, что у «копии» должен быть оригинал. Но где он и сохранился ли вообще, сказать не могла.

Каждый день Фола успокаивала меня, что отыщет упоминание юйсян в записях; и из вечера в вечер после закрытия музея бралась читать толстые тетради. Мне доверила изучать содержимое хранившихся в фонде ящичков, и я заново, уже без спешки, осматривал их один за другим. Но ящички закончились быстро, не подарив желаемого.

Я не представлял, что делать дальше. Подолгу сидел в одиночестве и размышлял о происходящем на горе Хэй-Чжу-Фэн. Утрата юйсян и невозможность перехода в этот мир (все камни сейчас находились в фонде) — события, которые должны разозлить гадателей. Двор уже мог потерять их поддержку, а земли Лунного двора — защиту. Это лишило бы опоры отца. Императору пришлось бы подтвердить мой статус изменника и ещё до поимки приговорить к смерти, чтобы не терять и вторую опору — славу сурового и справедливого правителя. Я надеялся, Син Ха-Лан ещё долго не су-

меет раскатать под императором трон. Отец умён и осторожен. Даже Чан-Чэнь, недоумленный министром наказаний, не рискнул бы сейчас поднять восстание. Если всё так, как я думал, столкновения на границах станут чаще и будут жестокими — вот где я должен быть сейчас. Но император предупредил, чтобы с пустыми руками я не возвращался. Всё, что я мог в своём мире, — окропить кровью землю, сделав её плодороднее, а потом стать питанием для речных рыб, как императрица Мо Яо. Но и в этом мире места мне не находилось.

Покидать особняк Фола почти не разрешала. Она боялась, что ко мне «докопаются менты или гопники». При этом вынимать оружие запретила вполне недвусмысленно и несколько раз уговаривала оставить сюйжэнь дома. Всё, что мне было позволено, — сопровождать Фолу, когда она ходила по делам. Чаще это были магазины, банк, почта и та самая упомянутая общага, которую Фола использовала для купания и хозяйственных нужд. Единственная оставленная мне свобода — тренировки. И даже их приходилось ограничивать возможностями двора у музея и часами, наступающими после заката.

Но время, в которое я мог быть тем, кто я есть, заканчивалось слишком быстро. Когда я возвращался с улицы, Фола обычно спала. Услышав скрип раскладушки, она просыпалась и каждый раз сонно спрашивала, закрыта ли дверь.

— Это не имеет значения, — ответил я однажды. — Я сплю у порога, как пёс. Чего ты опасаясь?

— Не говори так, Цзо. Просто здесь тесно. А замок всё равно проверь, — пролепетала Фола и перевернулась на другой бок.

Я не мог понять, чего она страшится. Оказавшись в своём мире, Фола преобразилась. Утром она поднималась в музей и возвращалась к обеду и окончательно вечером. Одежды её были бесстыдно узки либо коротки, а жесты — резки и уверены. За завтраком я каждый день наблюдал, как она красит лицо, устроившись на краю стола с круглым зеркалом на подставке.

— Можешь смотреть в тарелку, а не на меня? Отвлекает, — как-то возмутилась она.

— Ты выглядишь как блудница, — тяжёлые мысли владели мной с пробуждения.

— Не нравится — не смотри.

— Нравится, — ответил я, продолжая пребывать в мрачном настроении.

Фола неопределённо хмыкнула, опустила глаза к зеркалу и послунявила карандаш, прежде чем провести линию по веку.

Но случались дни, когда Фола волновалась. Ничего не объясняя, она начинала ходить по комнате, поочерёдно сгибая и разгибая пальцы. Стоило задать вопрос, как Фола выходила из оцепенения и с бóльшим, чем обычно, усердием

бралась за изучение тетрадей. Мне удалось застать два разговора, вызвавших в моей спутнице раздражение, но её непонятное состояние подавленности возникало от чего-то другого.

Первый такой разговор случился вскоре после нашего возвращения. Уже наступил вечер, Фола забежала сказать, что задержится в музее ещё ненадолго, и потом мы пойдём в фонд: одного она меня туда не пускала.

Старцова стояла в дверях, когда её окликнули из коридора. Голос был совсем юным, но с характерным возрастным изменением:

— Фол, ты же говорила, сегодня допоздна.

— Иди, я сейчас вернусь.

По резкому движению, с которым Фола развернулась и перегородила дверной проём рукой, я понял: что-то не так.

— Я хотел тебя с Восьмым марта поздравить. Еле вырвался. Вот.

— Спасибо.

Я наблюдал от стола. Чья-то рука протянула красивый розовый цветок на длинной ножке. Фола приняла его, но вместо того чтобы насладиться видом, опустила и развернула поперёк живота, будто загоразивалась.

— Иди. Сейчас вазу возьму — поставлю наверху, — даже мало знакомый человек услышал бы, что Фола нервничает.

— Да я подожду.

— Иди, Валер.

Юноша сердился:

— Блин, Фолка, ты чё меня гонишь? Можно подумать, скрываешь чего.

Фола сместилась к косяку. Но ни её попытка закрыть собой проход, ни предупреждающее «нет» не помогли. Острое лицо юнца со светлыми волосами мелькнуло в просвете, и после короткого затишья голос его угрожающе зазвенел:

— Это ещё кто?

— Не твоё дело.

— Уверена, что не моё? Ты же никого за порог не пускаешь, а теперь прячешь какого-то — и не моё?

— Валер, успокойся. У нас с ним... дела.

— За дурачка меня не держи!

Напряжение нарастало. Я встал, не желая оставаться безмолвным поводом для обсуждения. Услышав, что сдвинулся стул, Фола тут же повернула голову и сверкнула на меня глазами:

— А ты вмешиваться не будешь.

Настаивать особого желания не было, тем более ссора сразу завершилась.

— Да пошла ты, Фол! — донеслось из коридора.

— Валер, подожди.

Как рифма на её просьбу прозвучала неразборчивая фраза, оканчивающаяся «иди», после чего попытки остановить беглеца Фола оставила. Обозвала юнца «свиньёй» и зашла в комнату. Швырнула подаренный цветок на стол и взялась

расхаживать вдоль кухни. Фолу потряхивало, она напрягала челюсти и часто дышала.

— Кто он? — спросил я, поднимая и рассматривая цветок. Его пышная головка состояла из множества раскрывшихся лепестков нежно-розового цвета.

— Так не объяснишь.

— Объясни по-другому.

Шаг замедлился.

— Он, наверное, как твой Ти Хань-Я. Примерно.

— Он знает, чем ты занимаешься, и ты учишь его?

— Нет.

— Тогда он не как Ти Хань-Я.

— Что ты пристал?! Он просто мальчик, который мне помогает, — Фола решила выплеснуть кипевшую в ней злобу на меня.

Я продолжал прокручивать цветок в пальцах, рассматривая чуть подмёрзшие кончики лепестков.

— Ты напрасно считаешь его мальчиком.

— Ему через неделю тринадцать, — я уловил в голосе недоумение.

— А какое событие превращает мальчика в мужчину?

Шаги замерли. Фола остановилась у стола и, я чувствовал, давила меня взглядом.

— Не знаю.

— Тогда не суди. Для каждого оно своё. И перестань давать ему надежду, если не собираешься на неё отвечать. Ско-

ро он вырастет. Если видишь его своим учеником — учи, но не держи рядом без всякой цели.

Молчание продолжалось. Я не поднимал глаза, давая обдумать услышанное.

— Ладно, умник, — уже спокойнее произнесла Фола. — Но в понедельник придётся пойти к его деду и рассказать о тебе. Как бы он нас ни выгнал. Хорошо, если только плату повысит.

Повысил ли хозяин здания плату, Фола так и не сказала. Ей не нравилось говорить о деньгах, но по состоянию жилища вывод о том, насколько ей тяжело, напрашивался сам. Я знал, что, вернувшись, восполню её траты. Если не лично, то при помощи энши. Для себя решил, что дам Фоле возможность отыскать пропавшие юйсян, а после отправлюсь в земли Лунного двора — с победой или поражением. Свою судьбу нужно принимать. Но пока Фола утверждала, что есть где искать «зацепки», я ждал, покоряясь её правилам, распорядку и своеобразным капризам.

Первые дни я обходился той одеждой, что Фола нашла на складе. Вещи принадлежали её отцу Сергею Старцову. Они не отличались ни удобством, ни красотой, но подходили для холодных дней с переменчивой погодой и частыми метелями.

— Не могу тебя больше в этом видеть, — заявила в один из вечеров Фола, оторвавшись от клетчатых страниц тетра-

ди. — Завтра же идём на Ленинградку, а лучше в «Юность».

Ленинградкой оказалась торговая улица, зажатая, как многие другие, между каменными домами. Торговля шла прямо на дороге. Укутанные в тёплые одежды люди продавали разные товары, выставленные без вкуса и гармонии. Горячие блюда в коробках или бидонах чередовались с подвешенными на металлических сетках украшениями, с картинами, стоявшими прямо на грязном снегу. Здесь же с ящичков продавали мясо и корнеплоды, а с шатких столов — одежду.

— Пойдём, — не давая мне засматриваться и отставать, тащила за рукав Фола. На холоде её щёки и нос окрасил румянец, глаза радостно заблестели. — Здесь мы ничего брать не будем. Мерить на картонках в мороз — то ещё удовольствие, — произнесла она непонятную фразу.

Спешка оставила Фолу, только когда мы зашли в одно из скучных зданий с каменными лестницами и нелепо большими помещениями, поделёнными наподобие ячеек. Возбуждение, наоборот, усилилось. Фола проходила ряды отгороженных «ячеек», заглядывала в открытые проёмы, что-то задумчиво бормотала. Иногда она останавливалась и, постукивая пальцем по подбородку, произносила «или лучше» и меняла направление.

Наконец, остановила выбор на комнате, уставленной длинными вешалками, на которых теснились разноцветные, укутанные в прозрачный материал и остро пахнущие вещи. Ячейка оказалась настолько маленькой, что я предпо-

чёл остаться снаружи, в то время как Фола говорила с молодой женщиной — обладательницей пышных вьющихся волос, неумело собранных на затылке в безвкусный хвост.

— Как тебе? — спросила Фола, развернув в мою сторону футболку — это название я знал по её одежде. Футболка оказалась белого цвета с непонятными символами на груди. Я поднял руку, направляя пальцы наискосок, чтобы Фола поняла: я не согласен на цвет низкого сословия. Тогда Фола вернула плечики на вешалку и вытащила другие. На выбранной синей футболке изображался парящий орёл.

— Нет, — отказался я от предложения. Мужчины Мо — леопарды, а не орлы.

— Секундочку, — Фола передала вещь в руки молодой женщины и вышла ко мне. Понизив голос до шёпота, она по-детски протянула: — Ну почему-у?

— Я ношу чёрный.

— Неправда. Я видела тебя в синем. И вообще, чёрный — скучно: у нас каждый второй в чёрном. Мрак и тоска. Оскомину набило.

Я уже объяснял ей, что императоры Лунного двора не случайно выбрали Крылатого бога ночи своим покровителем. Ночь — начало времён, начало всего существующего. Всё важное рождается в ночи, неся с собой боль перемен или радость озарений, которые здесь приписывают мудрости утра. Всё, что есть в этом и других мирах, создавалось когда-то из тьмы, и я не собирался отказываться от её защиты.

— Чёрный, Фола, чёрный.

— Ты невыносим.

Слова я находил оскорбительными, но гримаса на лице говорила, что Фола играет.

— Учти, вышивать луну на груди я не буду.

Вернувшись к ожидавшей её торговке, Фола взялась объяснять, что ищет. Пока две девы вытаскивали из плотного ряда вещи и оценивали их, я скучающе смотрел по сторонам. Когда мимо прошла невысокая, плотная женщина, я отодвинулся и убрал в сторону руку, на которой висела выданная мне куртка и принадлежавшая Фоле шуба. Женщина остановилась на мне взглядом, не забыв о подозрительном прищуре, видеть который я уже привык у многих других, направляющих взгляд в мою сторону.

— ... и вот это, — донёсся голос Фолы.

Женщина повернула голову и, позабыв обо мне, загородила проём ячейки своим тучным телом.

— Фиолеттка, ты, что ли?

— Здравствуйте, тётя Надь, — ответила Фола и вновь оставила торговку дожидаться.

— Ты чего здесь? — спросила женщина, покровительственно поглаживая Фолу по верху спины.

— Да так.

Женщина ещё раз заглянула в ячейку и задала следующий вопрос:

— Это ж мужской. На кой тебе?

Фола сдержанно улыбнулась, перевела взгляд на меня, подняла и опустила брови, подавая знак, куда смотреть. Плотная женщина вновь одарила меня неприязненным взглядом. По возрасту она могла быть взрослой родственницей или наставницей. Не зная, кто передо мной, я слегка наклонил голову. Неприятные черты женщины сделались более отталкивающими. Она взяла Фолу под руку и отвела на некоторое отдаление. В дообеденный час в здании было немногочисленно, и даже за шумом голосов и стуком ремонтирующего молотка разговор я слышал.

— Фол, ты сдурела, что ль? — начала женщина, и улыбка Фолы перешла в непреклонную прямую сжатых губ. — Мне Филипп Мартынович сказал, ты подобрала кого-то, но я думал, нормального кого нашла. Уж не стала лезть. Думаю, ладно, время трудное, сегодня без работы — завтра найдёт. Но это куда годится? Ты чего, не понимаешь, что он тебя использует? Ты ему крышу над головой, еду, шмотки вон покупаешь. А он тебе что? Мужиков вокруг мало, что ли? Хоть бы симпатичный...

— Тётя Надь...

— Чего ты мне «тётя Надь»? Думаешь, выросла? И родителей нет, то и приглядывать за тобой некому?

Голос женщины становился всё раздражённее и громче. Я чувствовал, как подступает «красная энергия». Меня злило не то, как невоспитанная женщина отзывалась обо мне, я видел, как борется с собой Фола, желая и не решаясь дать

отпор.

— Ой, да что с тобой говорить! — продолжала своё неуместное назидание женщина. — Зажалась вся. Уши бы, поди, закрыла, если б могла. Не хочешь меня слушать — не слушай. Только потом плакаться не прибегай. То у тебя долги, то юрист, то «крыша». Мало, видно. Ещё это «сокровище» себе взяла.

Женщина тряхнула коротко остриженной головой с овечьими кудряшками на вершине и пошла прочь, не удостоив меня взглядом.

— Пойдём, — расстроено позвала Фола и скрылась в ячейке.

— Можешь больше не прятаться, — Фола раскладывала купленную одежду поверх своей кровати. — Всё равно вся округа считает, что мы с тобой... — она не закончила.

— Я догадываюсь, о чём думают люди. Насколько это тебе повредит?

Фола задумалась, а потом беззаботно пожала плечами.

— Да не особо. Просто обидно, что друзья у меня оказались фиговые. Так что забей. Будешь помогать мне вместо Валерки, раз этот крысёныш не желает меня видеть.

В мои обязанности входило носить стулья, показывать мальчикам, как держать оружие и совершать простые удары, когда Фола вынимала из витрин экспонаты.

— У тебя хорошо получается, — оценила она, проводив

первую шумную группу детей.

— Я обучал бойцов.

— А меня научишь? — голос был весел, но не беспечен.

— Оружие не создано для женских рук — ты не сумеешь.

— Ну конечно! — настроение Фолы быстро изменилось.

— Патриархат во всём великолепии. Женщину надо запирать на кухне или в спальне, а лучше иметь возможность продать или купить, как корову.

Обидевшись, Фола взялась составлять стулья, показывая, что справится без меня. На память пришли строчки, которые, как я помнил, особенно не любила Хуэй-Юэ: «Нет, жёны робкие Гирея, ни думать, ни желать не смея, цветут в унылой тишине. В тени хранительной темницы утаены их красоты. Так аравийские цветы живут за стёклами теплицы. Для них унылой чередой дни, месяцы, лета проходят и неприметно за собой и младость и любовь уводят». Обладавшая деятельным умом Мо Пань-Си всегда относилась к своей доле нетерпимо, считая себя заложницей дворца. Отчасти я мог её понять. Но Фола просила то, цену чему не знала. И всё-таки к концу недели я передумал.

Глава 2. Тренировки

По воскресеньям посетителей почти не бывало. Фола объясняла это тем, что люди готовятся к рабочей неделе. Я ходил вдоль круглых выемок в стене фонда и рассматривал мозаику в красно-оранжевой гамме. Фола вынимала из ящика тетради и, заглядывая внутрь, выбирала, какие изучить следующими. Одновременно она повторяла слова аныцу. Я учил её если не говорить на моём языке, то хотя бы понимать его. Фола, в свою очередь, помогала мне улучшить произношение. От занятия отвлекли шаркающие шаги в глубине коридора. Фола бросила стопку тетрадей на стол и выглянула за дверь.

— Там опять эти пришли, — проговорил сторож, которого Фола звала Григоричем. — Ты выйди к ним, милочка, а то что я им скажу.

Фола долго молчала.

— Где они? — наконец произнесла она.

— У парадного.

— Куртку накину и приду.

Сторож шаркал обратно, Фола повернулась ко мне. Она смотрела невидящим взглядом. Я узнал это выражение подавленной отрешённости.

— Побудешь здесь? — очнулась Фола. — Я наверх и вернусь.

— Дай ключи.

— Зачем? — испуг её словно стал больше.

— Закрою дверь.

— Ты не пойдёшь со мной, Цзо. Тебя им точно видеть не надо. И вообще, побудь здесь, не усугубляй.

Её вид напомнил день, когда мы ушли от погони в Кую-Ань. Я опасался, что Фола опять впадёт в то состояние. Сделал несколько шагов в её сторону — Фола подняла перед собой руки, прося остановиться. Я обхватил её запястья и дал время немного успокоиться.

— Я только посмотрю.

— И не будешь вмешиваться?

— Нет.

— И не будешь с ними говорить?

— Не буду.

— Пообещай.

Я дал слово, так и не узнав, о ком шла речь. Впрочем, скоро я их увидел. Мужчины, которые дожидались у отделанного колоннами входа, на вид были крепкими, особенно тот, что постоянно двигал челюстями, словно жвачное животное. И, как подобает бессловесному животному, молчал. Другой, со шрамом над губой, говорил сложными, не всегда понятными фразами. Называл Фолу «хозяйкой», напоминал, что они договаривались и, раз дела пошли в гору, стоит и расценки повысить. Мужчина то давал советы, то пугал. Фола пыталась спорить, но голос её звучал неровно, а плечи опуска-

лись ниже. Второй, задачей которого было показывать своё тело в блестящей, распахнутой на груди, куртке, не отводил от меня глаз. Я чувствовал, что он опасен. Опасен не силой, а безрассудством, и, помня об обещании не вмешиваться, отвечал более спокойным взглядом.

Фола закрыла за посетителями дверь и замкнулась. Молчала, пока шла по коридору, и даже на вопрос Григорича «ушли?» не среагировала. Молчала, когда оказалась в комнате и вновь взялась ходить от порога до кровати и обратно. Я не представлял, как ей помочь. И вдруг, взяв со стола кружку, Фола с криком швырнула её на пол. Кружка осколками разлетелась по комнате.

— Скоты, — смотрела на устроенное разрушение Фола. Сняла с полки ключи от фонда и добавила: — Я уберу.

После этого её, как выразилась Фола, «прорвало». Выслушав рассказ, я осознал, что пойти следом за мной в другой мир её вынудила не алчность, а ужас перед надвигающейся катастрофой. Отчаяние, сродни тому, что заставило меня лезть на гору Гу-Хань. И если я, приближаясь к водовороту, рисковал переоценить себя и не выплыть, Фола бросалась в воду, не умея плавать. Мне стоило научить её хоть чему-то. В мире, где каждый принадлежит только себе, тем, кто слабее, становится небезопасно. У Фолы не было ни имени, ни положения, ни семьи, ни богатства — ничего, что могло прикрыть её от жестокости других.

Её интерес к оружию я воспринимал как желание защи-

щаться. Ей бы не хватило сил победить мужчину, окажись они в равных условиях, но обмануть, создать видимость — возможно. Когда войско недостаточно сильное, военачальник выстраивает часть солдат в боевом порядке, а часть вынуждает поднимать пыль и шум, чтобы противник посчитал армию многочисленной и удержался от удара. Этому я и хотел её научить. Но для начала Фола должна поверить, что способна быть кем-то бóльшим, чем она есть.

Первый «экзамен» провёл тем же вечером в Струковском саду: он располагался прямо перед музеем, и можно было обойтись лёгкой одеждой. Я бежал рядом с Фолой, отмечая, насколько она вынослива и как долго не сбивается с ритма. Не полностью растаявший снег дорожек и многочисленные ступени отбирали много сил, а неотступающий холод мешал ровно дышать. И всё-таки Фола справлялась: как она говорила, всё это было для неё привычным. Куда больше возмущений вызвал снежный ком, который я нашёл под деревьями. Ещё плотный, но уже почерневший от таяния смёрзшийся снег я велел взять на плечи и приседать.

— Не собираюсь я его брать, и одежду пачкать тем более, — сопротивлялась Фола.

— Ты просила тебя учить. И тебе придётся привыкнуть к грязи, поту, жаре, холоду и боли. Если ты боишься их, врага ты боишься тем более. Бери.

Фола сдалась. Но первые тридцать приседаний не забыва-

ла скалиться в мою сторону.

Сложнее всего ей давалось упражнение с палкой. Отломанная ветром толстая ветка неплохо подходила на роль копья. Поначалу я попросил Фолу раскручивать палку, попеременно перехватывая её правой и левой рукой. Сделав попыток пятнадцать, Фола отступилась. Как только нужно было переложить движущуюся ветку из одной руки в другую, Фола теряла концентрацию и роняла палку на землю.

Под конец проверил реакцию, бросая всё той же веткой в Фолу. Ей нужно было увернуться или перехватить «копье». Отклонившись несколько раз, Фола расхрабрилась и попробовала поймать палку. После первого же удара по пальцам моя ученица разразилась гневной речью и о ветке, и о моих методах воспитания бойцов. На этом экзамен пришлось закончить.

Тренировки добавили разнообразия. Тело Фолы крепло быстро, видимо, ещё помня то, чему его учили прежде, и через неделю я показал самые простые упражнения с копьём, взяв учебные из музея. Но всё это была подготовка: я хотел обучить Фолу использовать сюйжэнь — самое незаметное и непредсказуемое для противника оружие. А для этого предстояло тренировать разум.

— У меня голова кипит. Я так не могу, — отказывалась от занятий нерадивая ученица. — Я весь день в зале, потом ищу для тебя записи о юйсян, бегаю, фехтую, отжимаюсь, а

в итоге даже перед сном не могу отдохнуть. К чёрту!

Фола попыталась выйти из комнаты — она всегда уходила в другое помещение, когда ей что-то не нравилось, — но я преградил путь, вытянув руку.

— Сумеешь уйти — можешь отдыхать. Нет — будешь заниматься.

Фола оценивающе посмотрела на мою руку, закрывающую проход между столом и кухней, и, верно поняв свои возможности, отошла к кровати.

— Сказала бы я, кто ты, но, боюсь, обидишься, — пробубнила Фола, повернулась лицом к стене и легла, накрыв ухо подушкой. — Не буду я сегодня ничего делать.

Учить женщину требовало невиданного терпения. Мальчиков я мог наказывать, заставляя делать больше, чем они могли, и знал, что справятся. Мог оскорбить, чтобы вырвавшийся гнев придал сил. Здесь требовалось другое.

— Как думаешь, почему Лунный двор принял Алексея Старцова благосклонно? — попробовал я заинтересовать Фолу разговором, помня о её любопытстве. Подушка чуть съехала. — Потому что он был умён и, как ты это называешь, изворотлив. Я думаю, он что-то пообещал гадалеям. Как многие мудрецы, гадалки интересуются новыми знаниями. Старцов мог предложить им экспонаты музея или совместное создание новых изделий. Предположу, что так появился клинок, изменяющий прошлое. Я никогда не слышал, чтобы в нашем мире было что-то, способное нарушать время.

Фола убрала подушку и села.

— А как он сошёлся с императором? — спросила она.

Я усмехнулся, вспоминая рассказ энши.

— Он его перепил.

— Что, прости? — Фола смотрела на меня с недоверием.

— Это как соревнование на то, кто выпьет больше вина и не опьянеет. Негласное соревнование.

— Быть такого не может. В нашей семье не пьют. Почти.

— Видимо, не все.

Фола обняла подушку и задумалась.

— Допустим. Если Алексей был на войне, такое возможно. Только к чему ты это рассказываешь? Хочешь заболтать, чтобы я подобрела?

— Нет. Хочу, чтобы ты задумалась, стал бы император садиться за один стол с тем, кого считал недостойным себя?

— Видимо, нет.

— Так что могло заставить императора Мо Цзюнь-Хуан поступить так?

— Без понятия, — терпение моей ученицы подошло к концу. — Давай уже колись.

Я постарался не раздражаться на Фолины словечки. Готовь я её по всем правилам, обучил бы основам ведения переговоров, в которых ценится гармоничная и правильная речь. Но на это не было времени.

— Он увидел перед собой сильного, уверенного человека, способного к выдающимся делам, — я подождал, давая Фо-

ле обдумать. — Можно ли считать изучение чужого языка выдающимся делом?

Фола спрятала лицо в подушке и озлобленно застонала.

— Знаешь, — вновь подняв голову, обратилась она, — кто самый изворотливый и дотошный из всех известных мне людей? Это ты, Цзо. Хотя, наверное, Холков ещё мог бы побороться с тобой за первенство.

Обижаться на её слова не имело смысла. Я видел, что цель достигнута.

То, насколько быстро человек мыслит, во многом определяет успех в бою. И это же позволяет раскрывать сужень в оружие за одно моргание. Навык, в котором более строптивый и оттого ленивый Чан-Чэнь мне всегда проигрывал. Не хотел, чтобы Фола повторяла его ошибки.

Глава 3. Стенка

С наступлением второго весеннего месяца природа начала преображаться. Солнце недолго, но грело, и снег отступал. Фола делала успехи в обучении. Нового же в записях не находила. Я больше ничего не ждал. От возвращения в свой мир меня удерживало лишь желание доучить Фиолетту. Много времени не требовалось: я делал из неё не бойца, а видимость такового. Умение быстро управляться с сиюжёнью, раскладывая его в две-три основные формы, набор выпадов и навык отражать удары — этого бы хватило, чтобы она чувствовала себя уверенно и могла при случае сохранить себе жизнь или завершить её по своему усмотрению.

Иногда Фола выпрашивала «выходной» от занятий и тащила меня на Ленинградку. Я не понимал, чем её привлекала разномастная толпа, текущая между полосатыми палатками, ящиками с замороженными курами и всяким другим.

— Здесь я могу быть частью общества, — Фола шла спиной вперёд, чтобы смотреть на меня во время разговора, и улыбалась. — Ты, кстати, тоже. Здесь же никому нет дела, кто ты, откуда, зачем. Вот представь, работает человек в школе учителем. Дома — семья, на работе — дети, планы. Все его воспринимают серьёзным-пресерьёзным. Он же как-никак основа будущего поколения. А у него, например, денег не хватает. И тогда он достаёт из шкафа набор советских

циркулей и идёт сюда продавать. Кто ему что скажет? Все же понимают, что он не просто так. И не осуждают. Вот и я. Это во дворце я хозяйка музея — самостоятельная, независимая. А здесь всем плевать. Я просто часть этого мира. И ещё здесь можно идеи для экспозиции подцепить. Смотришь, за чем очередь стоит, и сразу понятно, чего людям не хватает. Раньше мне Валерка подсказывал — у него на это чутьё.

Упоминание юнца никак не сказалось. Фола продолжала идти спиной, не обращая внимания на недовольных, которым приходилось её обходить, и улыбалась. Своим мыслям, шуму вокруг, весеннему солнцу, ярче проявляющему веснушки на её лице.

— Мне твой мир не нравится, — поднял я уже не раз обсуждаемый вопрос. — Он лишён изящества.

— Нет, — Фола засмеялась, — тебе не нравится жить в низших слоях этого мира. Оказался бы ты наверху, ты бы наверняка говорил по-другому. И вообще, уверена, через какое-то время твой мир придёт к чему-то подобному.

— Уверена. И почему?

Людей прибавилось, и Фола пошла наравне со мной, жестикую руками от возбуждения:

— Сам посуди, большинство обитаемых миров похожи. Просто как будто зародились в разное время. Почти везде одни порядки, законы, идеи. Словно существует единый шаблон. Некая общая судьба для всего человечества.

Фола остановилась у стойки с небольшими картинами, на

которых изображались деревья у воды. Оранжевые листья были выложены мелкими камешками.

— Почему ты решила, что судьба неизменна? — спросил я, рассматривая стоявшие на соседнем столе неестественно яркие игрушки. — Судьба меняется по желанию богов. А боги своенравны и вмешиваются, когда захотят. Иначе жизнь напоминала бы фильмы, о которых ты говорила, — начало и конец известны заранее. В этом нет интереса. Жизнь как игра в фигуры: заставляет думать на каждом ходу.

— О-о-о, — протянула Фола, продолжая двигаться вдоль столиков, — если так рассуждать, то наши боги от нас отвернулись. А то давно бы помогли разобраться с проблемами.

— Мой бог помогал мне много раз.

— А мой меня даже не знает. Как и я его. Так что поторопи своего бога подкинуть мне идею, где ещё искать описание колокольцев. Все записи об экспонатах и протоколы перемещений я уже прочитала, и там ни одного упоминания. Как будто юйсян в музей никогда не приносили. Как, кстати, и подделку.

Я хотел сказать Фоле, что она может больше не искать. Что дней через десять я уйду. Но нас отвлек слегка подвыпивший голос:

— Смотрите, Фолка-затворница пришла!

Высокий и очень худой молодой мужчина в чёрных узких штанах и подобии пиджака, обвешанного значками и нашивками, отделился от небольшой группы людей, стоявшей на

противоположной стороне улицы, и, подбежав ближе, сжал Фолу в объятиях. Подобное проявление «дружеских» чувств между мужчинами и женщинами здесь я видел много раз и почти перестал удивляться. Фола прохладно похлопала мужчину по спине пониже длинных волос и сдержанно произнесла:

— Привет, Илюх. Вообще-то, я не к вам.

Мужчина перевёл взгляд на меня и, немного подумав, протянул руку. Я ответил на его рукопожатие. Захватив мою ладонь, мужчина не спешил её отпускать. Для верности второй рукой он придержал меня в районе локтя и стал расспрашивать.

— А это кто?

— Знакомый, — ответила Фола, явно желая отделаться от собеседника.

— Приезжий?

— Да.

— Класс! Айда к нам, — мужчина лучился добродушием и уже начал тянуть меня в сторону группки людей в чёрных и голубых куртках, среди которых стояли и молодые женщины.

Я перевёл взгляд на Фолу, пытаюсь понять, какого действия она от меня ожидает. Размышляя, Фола потёрла лоб пальцами и всё-таки согласилась.

— Ладно, идём. Но ненадолго.

— Пять песен, — всё ещё не выпуская мою ладонь, Илюха

растопырил пальцы на второй руке.

— Две, — предупредила Фола, — не больше.

— Уговорила, — мужчина сложил руки на груди, то ли покоряясь, то ли смеясь над уступчивостью Фолы.

— Ты «Металлику» слышал? Костян Чернуха шикарно играет, — теперь Илюха говорил со мной.

— Илюх, можешь считать, он ничего не слышал. На его родине такое непопулярно, — ответила за меня Фола.

— Да ты что! Надо исправлять. А ты говоришь две песни. Как минимум три. Ещё хотя бы «Наутилуса» и «ДДТ» надо, — и воодушевлённый Илюха, оставив нас, побежал к мужчине с острым носом и независимым взглядом; на ремне через плечо у того висела гитара.

Когда Илюха ушёл, Фола, оттеснённая до того его худой, но настойчивой фигурой, пошла ближе ко мне.

— Немного послушаем, хорошо? Им зрители нужны, а время ещё холодное, толпу не соберёшь.

Чем мы будем заниматься в выходной, значения не имело. Я уже пробовал слушать музыку по радио, когда подолгу сидел один. Занятие быстро наскучило: то, что я слышал, не отличалось ни музыкальностью, ни глубиной. Ещё несколько песен ничего бы не изменили.

При расставании Илюха вновь крепко жал руку и просил приходить ещё. Обещал, что подберёт для меня кассеты, чтобы сформировать правильный музыкальный вкус.

— Я же тебе говорю, здесь всё по-другому, — продолжила прерванный разговор Фола, когда мы отошли подальше. — Ребята со Стенки тебя вообще за своего приняли. Как пить дать купились на твои волосы и невозмутимый вид. И, да, признаю, здесь твой чёрный прикид весьма кстати.

Мы так и шли вниз до самой набережной. Фола остановилась только однажды, в самом конце пешеходной улицы, у столика, где продавали кассеты. Она выбрала две. На одной обложке — галочка и арабские цифры 4 и 6, которые я уже знал, на другой — чёрный силуэт женщины с обнажённой грудью.

— Хоть будешь представлять, о чём речь, — объяснила Фола, протягивая мне кассеты.

После рассказала о Стенке — месте, где изначально поминали поэта и певца по имени Цой, а дальше стали собираться творческие люди города. По словам Фолы, её на Стенку отец почти не отпускал. Но знакомых, «тусующихся» здесь хватало. Когда же Фола стала свободна от бдительной опеки, друзья разъехались по другим городам или переросли этап творческого становления, так что делать ей на Стенке нечего. Иногда встречались «старенькие» завсегдатаи, такие, как Илюха, но Фола старалась их избегать. Как она утверждала, по привычке.

Купленные кассеты, являвшиеся сборниками песен той самой группы «Кино» во главе с Цоем, Фола велела прослушать в качестве домашнего задания.

— Раз уж ты здесь живёшь, должен знать, — как наставник Фола была непреклонна. Этот острый взгляд и требовательный тон я знал по экскурсиям, которые она проводила для детей.

Мы шли по каменной, ещё мокрой от недавнего дождя набережной — «набе», как её называли. Солнце клонилось к широкой воде. По пути попадались одинокие люди, шумные компании с бутылками в руках, иногда семьи с бегающими детьми. Встречались парочки. Обнявшись, они стояли у каменных тумб и глядели на реку. Становилось холодно и серо. Я чувствовал, что пришло время сказать о своём решении. Дождавшись, когда поблизости почти никого не было, я произнёс:

— Как только закончу учить тебя, вернусь в земли Лунного двора. Дней через десять или двенадцать. Можешь больше не искать юйсян.

Цокот каблуков стих, словно по щелчку выключателя. Я повернулся, ожидая увидеть недоумение. Меня встретил полный ярости и обвинения взгляд.

— Сдурел?!

Это была та Старцова, которую я вёз как пленницу. Непримируемая и ранящая каждым словом. Меня заранее огорчало, что наша встреча не оставит в ней ничего, кроме разрушения, и всё же я начинал злиться под стать ей:

— Следи за словами.

— Не собираюсь! Психи мне не указ. Я полтора месяца

ломаю голову, как вытащить тебя из передрыги, а ты сдаёшься?

Фола говорила слишком громко. Понимая, что ссора на улице, на глазах у всех, недопустима, я приблизился, стараюсь сдерживать «красную энергию».

— Ты не можешь найти. И я тебе в тягость. В ночь, когда мы говорили в министерстве наказаний, я знал, что, доверяясь тебе, могу проиграть. Я не виню тебя.

— А я тебя виню!

Потеряв над собой контроль, Фола ударила меня в плечо. Это не был удар раздосадованного ребёнка, это был удар, призванный нанести ущерб. Я окончательно разозлился: она плохо учится, если не понимает, что так поступать нельзя. Схватив за запястье, я увёл замахнувшуюся на меня руку вниз и в сторону. Фола вскрикнула и, подчиняясь моему движению, развернулась спиной. Я схватил её за шею и заставил замереть, чтобы урок запомнился.

— Ты ничему не учишься, — уже не скрывая своего настроения, проговорил я так, чтобы слышала только она. — Я предупреждал, чтобы не нападала без крайней необходимости, не подстрекала того, кто заведомо сильнее. Верно оценивай противника и свои силы, не позволяй гневу управлять тобой.

Закончив урок, я отпустил Фолу, давая ей возможность уйти, накричать на меня или попробовать ударить ещё раз, если осмелится. Вместо этого она развернулась, обвила мою

шею руками и, глядя в глаза, проговорила тихо, но отчётливо:

— Ты тоже ни черта не слушаешь. Сказано было не привлекать внимания. А теперь у нас проблемы. Те господа в форме у меня за спиной заметили твою выходку. Так что обними меня и изобрази влюблённого Ромео. Пусть думают, что мы просто немного повздорили.

Сказав, Фола потянула меня к себе, заставляя пригнуться, и положила голову мне на плечо. Кончик её носа касался моей шеи. Бросив короткий взгляд в сторону людей, о которых говорила Фола, я зарылся лицом в пушистые волосы и обхватил упругое напряжённое тело. Как мне не хватало таких прикосновений к женщине: свободных от контроля и причин. Меня дурманил её запах. Явившаяся с побережья Турманной реки, Фола и пахла рекой — природной свежестью, приключением и опасностью бурных течений. Я сбежал рукой по грубой ткани короткой куртки и нырнул под её край в районе талии. Пальцы сами скользили по платью, напрочь утратив приличия. В ответ руки Фолы расслабились. Одна уверенно легла поверх плеча, вторая делала дорожку по шее от воротника куртки к месту, где волосы собирались в хвост, и обратно. Но как только Фола посчитала, что опасность миновала, упёрлась ладонями мне в грудь и надавила, заставляя отстраниться. Я по-прежнему держал упрямыцу в объятиях и только отогнулся, чтобы было удобно говорить.

— Не переусердствуй, Цзо, а то я сама поверю, — глаза

Фолы блестяли лукавством.

Мне хотелось перехватить её губы, попробовать на вкус её дыхание. Но не здесь. И не когда я не уверен, отвечает она на мою ласку или ищет возможности для нового удара. Возможно, более болезненного.

— Кто такой Ромео? — спросил я, чтобы изменить поток мыслей.

Фола высвободилась из объятий, поправила платье и бодро зашагала в сторону музея, подхватив меня под руку.

— По дороге расскажу, а если найду книгу, могу почитать. Тебе понравится, любитель поэзии. Но предупреждаю: чтобы при людях так больше не делал — могу и в еду что-нибудь подсыпать. Пойдём, а то совсем холодно.

Глава 4. Юлия

Позже я попробовал ещё раз убедить Фолу, что оставаться дольше не стоит. Но ей владело упрямство. В её понимании я не мог уйти, не истратив надежды до конца. В вопросе денег Фола считала, что она мне должна и расплачиваться ей ещё долго — одна покупка её жизни у чиновника округа Во чего стоит. В конце концов, спорить я перестал. Это решение принадлежало мне, но до назначенного срока я мог не тревожить Фолу упоминанием о нём.

Возможно, чтобы не давать погружаться в размышления, Фола разрешила уходить из музея днём. Я бесцельно гулял по городу, иногда заглядывал на Стенку, где меня музыкально образовывали и задавали вопросы, на которые я отвечал уклончиво. И всё-таки мучительное бездействие дней не шло ни в какое сравнение с ночами. Я стал плохо спать.

Закончив упражнения, я отпускал Фолу готовиться ко сну, а сам задерживался надолго. Когда возвращался к стоявшей у шкафа раскладушке, Фола уже не просыпалась: слишком выматывалась. И я лежал, глядя в тёмный потолок, слабо освещённый ночником, слушал, как она дышит, изредка переворачивается, и не мог уснуть, осознавая, насколько она близко. Стены моей тюрьмы поднимались всё выше. Как предрекал энши, я выстраивал их день за днём, разговор за разговором, прикосновение за прикосновением. Радова-

ло, что, когда я уйду, у меня не останется времени сожалеть — моя тюрьма рухнет вместе со мной.

Примирившись с неизбежным, я уже не ждал от судьбы ни подачек, ни подвохов. Но кто я такой, чтобы решать за неё?

В тот вечер, вернувшись с прогулки, я сразу заметил, что свет в окнах выставочного зала не горит. Фола не закрывает музей так рано, и я забеспокоился. Но в комнате на цокольном этаже обнаружил совсем не то, о чём успел подумать, летя по ступеням. Рядом с Фолой на кровати сидела дева с неестественно белыми волосами, забранными в высокий хвост, слишком выразительным макияжем и грубым смехом. Верх её одежды оставлял приоткрытым низ живота, и свободные рукава просвечивали из-за обилия дыр. И всё-таки гостья не мёрзла, хотя в комнате было прохладно. Я подозревал, причиной тому крепкое вино, запах которого витал в воздухе.

— О, сожитель пришёл, — произнесла дева и засмеялась, сгибаясь над табуретом, который сейчас использовался как стол.

— Тихо ты, — Фола толкнула гостью в плечо, и по несобранности движения я понял, что Фиолетта пьяна.

— Точно, Фолка, так не знакомятся, — подняла указательный палец дева, после провела рукой по хвосту, разглаживая волосы, и встала.

Я ещё раз внимательно оглядел пришедшую. Большие яр-

кие глаза, подведённые полные губы, крупные серьги, розовая кофточка, открытая полоса тела и короткая юбка, переходящая в чёрные прозрачные колготки. Гостья была выше Фолы и немного больше в теле. Движения уверенные и в то же время женственные. Обогнув табурет со стоящими на нём бутылкой и тарелками, гостья подошла ко мне и протянула руку, повернув тыльной стороной вверх.

— Юлия, — нежно произнесла дева с хорошо различной насмешкой в голосе.

Мой взгляд Юлия встретила стойко, пожалуй, даже с азартом, будто пыталась понять, на что я способен. Я посмотрел на Старцову: есть ли ей что сказать мне. Фола поспешно взяла бутылку и наклонила её над одной из чашек.

— У, какой сердитый, — сменила тактику Юлия. — Ладно, я всё равно знаю, как тебя зовут. Цзо, верно?

Мне было неприятно слышать своё личное имя из уст женщины, которой я его не доверял. Но Юлия, или Юлька, как её звала Фола, о таких тонкостях могла не знать. Другое дело, что она не понимала: так себя вести не стоит. Дева обошла вокруг меня, словно осматривала. Пробежала длинными розовыми ногтями от одного плеча к другому, а после закрутила мои волосы вокруг своих пальцев. По просьбе Фолы я собирал волосы в низкий хвост и оставлял свободными на спине, чтобы не слишком выделяться, но дотрагиваться до них я не разрешал.

Фола вовремя опомнилась.

— А вот так делать не стоит, — отставив кружку и поднявшись с кровати, произнесла она.

— Почему? Покусает? — сейчас голос Юльки звучал весело. Освободив волосы, она положила руку мне на плечо и оставила. Дева смотрела мне в лицо с вызовом.

— Пальцы отрубить Или придушит.

Фола сняла с меня руку своей подруги, и, обняв за голую талию, увлекла обратно к месту застолья.

— Жестоко шутишь.

— Если бы. Посиди пока.

Фола вернулась ко мне, намереваясь что-то сказать, но, видимо, не находила слов.

— Побуду во дворе, — высказался я за неё.

Фола не сразу, но кивнула. Вино замедляло реакцию. Сколько раз я наблюдал такое у Чан-Чэнь и других. Подумав, наклонился, придерживая одежду на груди, чтобы случайно не коснуться Фолы при её подруге, и предупредил:

— Кто много пьёт, становится несдержан в разговорах и неловок в бою. Завтра выходного не будет.

Фола сощурила глаза, собираясь возмутиться, но столкнувшись с моим взглядом, промолчала. Вино делало её податливее и добавляло непонятого очарования. Мне стоило провести остаток дня вдали от неё. Я взял из шкафа одежду для занятий и вышел из комнаты, намереваясь вернуться, когда здесь будет властвовать тишина.

— Юлька нормальная, — убеждала меня на следующий день Фола. — Просто перебрала чуток.

Я молча переносил отобранные Фолой вещи в коробку, чтобы поднять их из фонда в зал, и не спорил. Но Фоле почему-то казалось важным, чтобы я разделил её мнение.

— И вообще, у неё проблемы.

— У тебя тоже, — приведённое объяснение казалось мне неубедительным. Проблемами нельзя оправдывать непристойное поведение.

— У меня другие.

Я промолчал.

— Её Володька бросил. Она за ним в Новый Уренгой уехала, а он там шалаву какую-то подцепил, и Юлька побоку.

Историю Юльки и Володьки я уже слышал. И хотя поступок Володьки вызывал некоторые вопросы, Юльку это не оправдывало.

— И поэтому она торопится найти ему замену, привлекая мужчин телом?

— Ты про одежду? — Фола сбивала бумаги ровными стопками, обстукивая их об край стола. — Нет, она всегда так выглядит.

— Тем хуже.

— Цзо, ты не понимаешь! — Фола начала сердиться.

— Тогда не объясняй. Не хочу понимать.

Фола издала звук, напоминающий рычание. Я поднял с пола коробку и вышел, но в дверях развернулся.

— Твой отец прав, тебе не стоит пить. Не представляю, что ты могла наговорить.

— Да почти ничего, — Фола прикусила губу. Я заметил, что щёки её розовеют. — Ничего, что Юльке нельзя знать. Так что не переживай, голова у меня пока на месте.

Я ушёл. У меня осталось неприятное ощущение, будто я влез, куда не следовало.

Хотел я или нет, пришлось делить немногие оставшиеся дни с Юлькой. Когда она не была занята делами, приходила в музей. Какое-то время проводила наверху с подругой, но как только появлялись посетители, Фола отправляла её вниз. Поначалу я вежливо молчал, слушая разговоры, и старался не отвечать на слишком откровенные вопросы. Но так получалось не всегда. Как и говорила Фола, Юлька оказалась вполне нормальной. Вызывающий внешний вид и грубая речь никуда не делись — в первую встречу вино лишь усилило то, что присутствовало всегда. Но подругой Юлия оказалась отзывчивой. И хозяйственной. Теперь она отправляла меня по делам и требовала помощи по дому и на кухне. Фола всегда просила — я предполагал, она смущалась, зная моё истинное положение. Юлия приказывала.

Так, среди мелких забот, музыки и разговоров, я быстро перестал пренебрегать новой знакомой. Среди всех, кого я успел увидеть, Юлия одна искренне любила Фолу и заботилась о ней. На свой манер.

— Фолка говорит, между вами ничего нет, — как-то невзначай начала она, закладывая резаную морковь в сковородку. — Врёт ведь.

— Её слова верны, — обычно я избегал подобных «провокаций», как называла подобные выпады Фола, но сейчас захотел ответить. Должен хоть кто-то знать, что люди напрасно запятнали имя Старцовой.

— Надо же... А может, стоило бы?

Я сосредоточил внимание на картошке, которую чистил. Ответ на этот вопрос необязателен.

— Не хочешь говорить, не надо, — после долгого затишья произнесла Юлька, доставая из шкафчика соль. — Тогда расскажи, где ты так выучил язык? Ты же нездешний, это по всему видно.

— У меня был хороший учитель. Заставлял учить Пушкина. Я слушал записи на пластинках и повторял. Много раз. Очень много раз.

— Получается, кроме Пушкина, из русской классики ты ничего не знаешь?

— Нет.

Юлька повернулась ко мне и, облизав кончик ложки, которой только что закладывала в кастрюлю соль, спросила:

— И что ты выучил?

— «Полтава», «Руслан и Людмила», «Цыганы», «Кавказский пленник», «Каменный гость»...

— Т т т, — перебила Юлька, откладывая ложку. — Хо-

чешь сказать, всё это ты знаешь дословно?

— Почти всё.

— Ты прости, но учитель у тебя тот ещё психопат.

Я улыбнулся, вспомнив энши и его наказания, когда урок был выучен плохо.

— Он заботился обо мне.

Разговор о Пушкине зародил в деятельной душе Юлии желание найти поэму, которую я не знал. Однажды она принесла две толстые книги в жёлтых теснённых обложках и стала зачитывать содержание. Восторжествовав, что обнаружила искомое, она начала «Гавриилиаду».

Через какое-то время зашла Фола, проведать, как у нас дела.

— ... Потупя взор, прекрасная вздыхала, и Гавриил её поцеловал. Смутьясь она краснела и молчала, — с непривычки подолгу читать вслух, голос Юлии стал глуше и оттого звучал глубже.

Фола не стала мешать, щёлкнула ручкой плитки под чайником и прислушалась.

— Её груди дерзнул коснуться он. «Оставь меня!» — Мария прошептала, и в тот же миг лобзаньем заглушён невинности последний крик и стон

На этом поэма для меня закончилась. Фола захватила верхний край книги и потянула её из рук подруги. Юлька отпустила.

— Можешь за меня почитать, — голос устал.

Фола полистала книгу. Где-то она останавливалась и вчитывалась, иногда хмурилась.

— Лучше ничего не нашла? — спросила она, захлопывая том, даже не заложив страницы.

— Что не так? Это же Пушкин.

— Значит, не всего Пушкина нужно читать. Забери.

— Какие мы скромные. Кто бы мог подумать, — Юлька перевела на меня взгляд и заговорщически улыбнулась.

В тот же вечер, когда Юлька ушла, Фола сказала, что научит меня читать, чтобы я мог сам выбирать книги. Я не хотел огорчать её и промолчал о том, что эти знания мне уже не понадобятся.

Но через день моё отношение к Фолиной подруге «из каблук» — как мне объяснили, так в народе называют учебное заведение, где дают узкие знания, — окончательно изменилось. Юлька пришла накрашенная ярче обычного, принесла две бутылки спиртного и, со стуком поставив их на стол, потребовала:

— Выпей со мной. Фолка отказалась.

Поддерживать предложения я не собирался, но выслушав, в чём причина тоски, решил оградить глупую деву от зелья. Попытки отговорить её заканчивались фразой «всё равно напьюсь», и я понял, что лучше здесь со мной, чем где-то и неизвестно с кем. И чем меньше в себя вольёт, тем лучше. Пришлось достать из шкафа две чашки.

Юлька пьянела быстро, а откровенней становилась ещё быстрее. Фола, как назло, принимала группу иностранных гостей и неотлучно просидела в зале до темноты: остановить свою горящую подругу она не могла. Я пил и слушал, глядя в молодое, но уже такое взрослое лицо, и впервые осознавал, как глубоко может ранить любовь.

Когда Фола вернулась, я заметил её возмущение ещё до того, как она принялась ругаться.

— Вы что устроили?!

— Не ори. Просто поболтали, — не вполне владея языком, оправдалась Юлька.

— Наговоришься, смотрю — лыко не вяжешь. Ночь на дворе, они тут сидят. Мне вставать рано, а теперь ещё тебя провожать. А ты, Цзо, тоже хорош, прекратить это не мог? Или её несдержанность тебя не колышет?

— Задолбала ты, Фолка. Говорю, не ори. Не надо меня провожать. Без тебя обойдусь, — Юлька храбро поднялась из-за стола, но слегка покачнулась.

— Ну да, не надо, — злость как отхлынула, Фола смотрела на подругу со сдержанным пониманием. — Куда ты одна пойдёшь?

— Я провожу, — встав, я поддержал Юльку под руку, помог обуться, забрал со спинки стула джинсовку и набросил гостью на плечи. Фола наблюдала за происходящим молча, как будто не находила слов.

Когда я вернулся, время приближалось к двум. Фиолетта не спала. Она сидела на кровати, скрестив ноги, и изучала какие-то записи.

— Думала, через полчаса не явишься, дверь закрою, — глаз от бумаг она не поднимала, но говорила с плохо скрываемым злорадством. — На вахте не пропустили? Или Юлька отказала? Она, когда напивается, злая, как мегера. Мог бы меня спросить, чтобы напрасно не надеяться.

— Фола...

Я хотел объяснить, что её подозрения мне неприятны. На прохладном воздухе хмель почти выветрился, а тоска в сердце осталась. Я говорил тихо, чтобы не беспокоить это новое чувство. Фиолетта восприняла мою нерешительность по-своему:

— Ладно, голубки, пока вы там ворковали, я кое-что нашла. Завтра расскажу. Сейчас я хочу спать.

Она положила тетради и бумаги на полку у кровати, встала и ушла переодеваться в ночное. Я понимал, что под «хочу спать» подразумевается «не хочу тебя видеть». Фола презирала меня за то, чего не существовало. Юлия рассказала мне всю историю их многолетних отношений с Володькой. О любви, закончившейся предательством и выбрасыванием вещей, которые Юлька просила вернуть. Рассказала слишком много о том, что чувствует. Я впервые осознал, какая боль может скрываться под женской улыбкой. Соблазняющей, как у Юльки, игривой, как у Мо Пань-Си, вызывающей, как у

Фиолетты. Но сейчас у меня не хватало слов, чтобы объяснить это. Всё, что я мог — промолчать, рождая новую боль. Между мной и Фолой ничего не было, и всё-таки было слишком много.

Глава 5. Прощание

Назавтра разговорчивее Фола не стала. Сдержанно объясняла, что делать, куда сходить, что принести. Прикрывалась срочными делами, ответственностью перед двумя школьными группами, которые всегда требовали повышенного внимания. Я ни о чём не спрашивал: ждал, когда сама посчитает нужным рассказать, что нашла в бесконечных пыльных тетрадах. Но молчаливой она оставалась даже за столом, разделяя со мной ужин. Я понял, что время пришло. У меня больше не было причин затягивать своё пребывание под её крышей, внося раздор в и без того сложную жизнь.

— Через час тренировка, — произнёс я, добавив про себя, что последняя. Если бы Фола отыскала в записях что-то по-настоящему важное, уже сказала бы. Скорее всего, это было лишь подозрение, призрачная возможность — одна из тех, что потеряет свою силу, как только Фола возьмётся её проверять. Такое уже случилось.

Полной темноты мы уже давно не ждали. Григорич привык к нашим странным занятиям. Первое время приходил посмотреть, задавал вопросы. Фола говорила, что хочет однажды устроить большое шоу, а не только водить экскурсии. Люди воспринимали музей как место, где собраны фокусы, и готовы были верить в любое объяснение. Всё, что требовалось перед тренировкой, — подождать завершения кружков

и секций, чтобы дети разошлись по домам.

Я передал Фоле инфу и суйжэнь. По правилам тренировочного боя Фола не должна защищать себя «теневогой кожей» — это позволяет лучше управляться со страхом. Но она прошла так мало занятий — я жалел её. К тому же инфу давало мне свободу: меньше контролировать движения, наносить неожиданные удары, не боясь ранить.

Фола раскрыла суйжэнь в меч средней длины. Быстро, но не молниеносно. Я обошёл её, проверяя, как она защищает бока, верх и низ. Фола легко отражала простые удары, разворачивалась, держала стойку. Обычно я давал команду нападать, но сегодня ждал, когда решится сама. Фола удерживала меч у лица, следя его остриём за моими перемещениями, ловила и отмахивалась от дразнящих ударов. По глазам я видел, что она злится. Мне хотелось понять, сумеет ли превратить гнев в пробивную ярость или отдаст его в мои руки, обращая против себя.

Фола долго медлила и всё-таки решилась. Первый выпад получился ожидаемым: в корпус. Я ушёл в сторону, даже не став принимать удар. Ещё один похожий, и снова клинок не коснулся клинка. Фола раздражалась.

— Тратишь силы, — предупредил я, зная, что в таком состоянии рассержу её ещё больше.

Я ожидал, что Фола сразу же допустит ошибку, но следующий выпад в ноги оказался не так плох. Поймав её клинок своим, я вывел его наверх. Скрещённые мечи давали опору.

Фола попыталась этим воспользоваться. Напирая на рукоять и делая резкое движение вперёд, попробовала столкнуть меня. Я сделал шаг назад и высвободил меч.

— Глупо. Твой вес меньше, а моё положение устойчиво, — пояснил я, заставляя отбиваться.

Гнев победил. Фола перешла на размашистые тяжёлые удары, которые быстро расходовали силы. Я знал это по вскрикам, которые она вкладывала в каждый рывок. И всё-таки действовала Фола не бездумно. Она пыталась загнать меня в угол. С одной стороны — каменное крыльцо в пять ступеней, с другой — стена и дерево, по низу — несколько препятствий из заброшенной клумбы и квадратных ям, в которые смотрят окна цокольного этажа. Не самый плохой расчёт. Я отступал, давая Фоле выдохнуться и верить в близкую победу.

Фиолетте нужно было прижимать меня к дереву, но она выбрала крыльцо. Оказавшись у ступеней, я отбил уже не такой уверенный удар, взбежал наверх и, прыгнув, занёс меч над её головой. Такой удар Фола отразить не могла. Я собирался сложить суюжэнь ещё в полёте и откатиться в сторону: моей целью было показать, какие последствия может нести подобная ошибка. Фола успела поднять руки для защиты и уже над головой раскрыла меч в большой веер: ей, наконец, удалось не думать, а чувствовать, находясь в схватке. И я отказался от первоначального плана.

Громкий звенящий звук прокатился по двору. Призем-

лившись, я не сразу нашёл равновесие. Но Фола нападать не собиралась. Она упала на одно колено, веер по-прежнему прикрывал её сверху.

— Вы чё, вообще без мозгов, что ли?! — перекрыл гуляющее металлическое эхо мальчишеский голос.

Это был Валерка. Он стоял у угла здания рядом с проходом, ведущим на улицу, и взирал на происходящее с приоткрытым ртом. Меня интересовал не он. Фола тяжело дышала, но положение не меняла. Я убрал суюжэнь, опустил на землю и отвёл веер в сторону.

— Что случилось?

— Кисти. Плечи, — произнесла Фола, пытаясь подавить всхлип.

Сложив веер и убрав его на пояс, я обхватил руки Фолы пониже запястий и потянул к себе. Она подалась вперёд, упёрлась лбом мне в грудь. Её трясло. От боли и от испуга.

— Это было верное решение. И не дольше, чем за одно моргание.

Дыхание Фолы не выравнивалось. Я догадывался, причина в подступающих слезах, и постарался отвлечь:

— Твой Валерка вернулся.

— Он поганец. И он не мой.

— Но если он не убедится, что ты цела, вызовет милицию.

Слова подействовали. Фола села рядом на асфальт, вытянула ноги и обратилась к юнцу, глядя на него исподлобья.

— Ну и зачем пришёл? Ты же со мной не разговариваешь.

Я встал и скрылся в коридоре, чтобы не мешать.

Долго их разговор не продлился. Вскоре Валерка появилась в дверях. Он смотрел на меня с суровым и несколько испуганным выражением.

— Жди меня в зале. И ничего не трогай! — прокричала ему вслед Фиолетта.

— Фола, ты заманала. Сколько ещё будешь напоминать?

— Сколько надо, столько и буду, — по грозному тону я понял, что Фола всё-таки надумала учить юнца.

Валерка прошёл мимо. Он так ни разу и не оторвал от меня взгляд, пока не скрылся за углом. Я вернулся во двор.

Фола сидела на крыльце и делала медленные махи руками, останавливалась, ощупывала плечи, будто сомневалась, не обманывают ли её ощущения. Я сел на ту же ступеньку, уже остывшую после наступления сумерек.

— Что ты хочешь ему рассказать? — спросил я, чтобы завершить нашу встречу чем-то приятным, например, разговором о будущем.

— Для начала, что ты не пытался меня убить. Хотя в этом я не вполне уверена.

— Я никогда не пытался тебя убить, — я улыбнулся, вспомнив, как увидел её в первый раз здесь же. Испуганную и отчаянную, словно птичка, кидающаяся на хищника в попытке защитить гнездо.

— Не хочется это признавать, но ты прав.

Фола растегнула молнию на кармане фиолетовых спор-

тивных штанов и вытащила инфу. Немного задержала подвеску в руках, снимая защиту, и протянула мне. Я забрал одно творение гадателей и отдал другое. Взглянув, Фола нахмурилась.

— Что, ещё раз? У меня руки не прошли, — она не понимала, зачем ей суйжэнь.

— Теперь он твой.

— В смысле?

Я скривился от очередной фразочки, но постарался вернуться в спокойное состояние.

— Я отдаю суйжэнь тебе. Насовсем. Придумай, как носить его с собой.

— Стой-стой-стой, ты не можешь отдать мне оружие из линтие. Сам говорил, такие мечи изготавливают только по заказу императора и выдают за особые заслуги. Ко мне это точно не относится.

Фола попыталась вернуть суйжэнь. Я поймал руку, сжимавшую подвеску, и плотнее прижал пальцы Фолы к ребристой рукояти.

— Не относится. Но это оружие делалось для меня, и я могу его подарить.

— Ты говорил, такое не дарят.

— Не продают. А я дарю.

— Цзо, я не возьму.

— Почему?

Разговор переходил в спор, затягивался. По тому, как да-

вило в груди, я понимал, что чем дольше буду слушать её голос, тем тяжелее уходить, а уходить нужно легко.

— Потому что он тебе нужен. Ты используешь обе руки. Я видела.

— Могу обходиться одной.

— Вот только не надо «могу — не могу». Если подумать, я, наверное, тоже без одной руки жить могу, только как-то не хочется.

Раскрасневшаяся после боя, с выбившимися из косы волосами, она негодовала и говорила быстро и жарко. Сейчас меня не раздражало её упрямство. Я знал, мне будет его не хватать. Пропустил руку за её спину, положил ладонь на пылающую щёку и слегка потянул Фолу к себе. Наклонился к самому уху и произнёс:

— Тогда стань моей левой рукой.

Фиолетта замерла, дав мне на несколько мгновений закрыть глаза и забыть, что произойдёт после. Потом осторожно отодвинулась. Я отпустил её. Фола смотрела на меня с подозрением. Очень долго, не отводя больших серьёзных глаз и что-то обдумывая.

Голос её стал твёрже. Она была недовольна.

— Обычно назначают правой рукой, — с какой-то неприязнью произнесла Фола.

— Это у вас, — миг забытья рассыпался и таял в подступающей ночи. — Левая рука прикрывает. Левая наносит неожиданный удар. Сердце у человека слева. Левая сторона

— сторона жизни, высокая сторона. И ты зовёшь меня так всё это время.

Фола смотрела на меня непонимающе. Она явно хотела что-то сказать и не могла. Я учил её языку, но не объяснял, как переводить имена, не считая этого необходимым.

— «Цзо-Гуан» означает «свет высокой стороны». Это имя подходит тому, чья судьба защищать. Ты же оставила от него только «Цзо», убрав слово «свет».

— Прости, — ошарашенно прошептала Фола. — Почему ты раньше не сказал?

— Сначала не считал важным, потом привык. Твоё имя вообще не имеет значения, так что не беспокойся.

Разговор завершился. Теперь я мог спуститься в комнату, забрать камни и, пока Фола будет вразумлять своего непочтительного ученика, уйти. На этот раз окончательно.

Я встал. Когда поравнялся с открытой нараспашку деревянной дверью, впускающей пищащих комаров, Фола позвала меня:

— Цзо, ты уходишь, да? Я помню, какое сегодня число. Я посчитала. Ты обещал, что останешься.

— Не обещал.

— Тогда пообещай сейчас.

— Незачем, Фола. Как говорит император, всё в этой жизни исчерпывается. Время ожидания тоже.

— Я ведь так и не рассказала тебе, что нашла.

Я не обернулся. Услышал, как кончик клинка задел за

камень ступеней. Фола примеряла оружие к себе — она и вправду стала другой. Увереннее, жёстче и требовательнее. Не удивлюсь, если попытается преградить мне дорогу моим же мечом.

— Расскажи сейчас, — попросил я.

— Позже. Сначала поговорю с этим хорьком, который почти два месяца не показывался, и вдруг заявился. А ты не смей уходить, я недолго.

— Хорошо.

— Сейчас ты обещаешь?

Я ответил согласием и сделал шаг внутрь, но Фола снова не дала мне уйти.

— Зачем ты провожал её? — задала она вопрос, который, видимо, мучил весь день.

— Женщине не стоит ходить ночью одной.

— Я хотела проводить.

— Ты тоже женщина.

Фола замолчала, но я ждал, понимая, что она сказала не всё.

— А пил с ней зачем, она же тебе не по душе?

— Затем же, что и ты.

Фола фыркнула.

— Почти поверила. Подожди меня в комнате. И не смей уходить.

Глава 6. Знак

Наблюдал, как Фола раскладывает большие тетради на светлом, местами стёртом до темноты столе, и удивлялся, насколько стало легко. Я выполнил всё, что мог. Юйсян вернуть не удалось, но на какие ухищрения я только не шёл, чтобы их отыскать. К тому же терпение гадателей должно было подойти к концу, и колокольцы мало что поправили бы. Женщину, жизнь которой решил сохранить, я оставлял с уверенностью, что дальше она справится. Меня, без сомнения, повезут во дворец, так что будет возможность передать энши просьбу позаботиться о Фоле. Актёры в Шэн-Ту сожгли мои одежды вместе с наставлением, написанным Цзюйе Сюэ-Линь перед дорогой, но слова я помнил: «Честь и долг». Долг я выполнил, насколько возможно. Оставалось доказать, что честь ещё при мне, а для этого нужно принять назначенное наказание.

— Вот смотри, — закончила подготовку Фола и упёрлась ногтем в одну из множества строк ближайшей к ней тетради, — мой дед Алексей попал в Лунный двор за три года до заключения договора между ним и вами. Это получается примерно тридцать три — тридцать четыре года назад. Первые восемь месяцев он оттуда не возвращался, а дальше перемещался туда-сюда. Правда, помимо нашего мира, он бывал в других. Лакийское царство, Оноа-Тора, Вади — это

понятно, они, можно сказать, наши постоянные поставщики защитных чар для музея. Упоминаются ещё миры: их я не знаю. Но с Феоссой получается странно.

Фола волновалась. Несколько раз заправляла за ухо выпадающую прядь, теребила серёжку-кольцо, морщила лоб. Она сомневалась в своих выводах, но хотела выглядеть убедительной.

— Первое упоминание Феоссы, которое я нашла, приходится как раз на этот период, — продолжила Фола, листая тетрадь. — Дед проводит там не больше месяца. Потом возвращается сюда и сразу на Лунный двор. Застревает у вас ещё на полгода. И как только уходит оттуда, опять направляется в Феоссу. Дальше, — Фола взяла ещё одну раскрытую заранее тетрадь и положила поверх первой, — дата поступления Рвущего время совпадает с возвращением из Феоссы. Но ты говоришь, на клинке знак Лунного двора, и клинок, без сомнения, из линтие.

Я кивнул. Проверяя экспонаты по второму кругу, я обратил внимание Фолы, что помимо книги, в музее хранится ещё одно изделие гадателей.

— Тогда непонятно, почему дед как будто относит его к Феоссе. Ещё вот. До самого подписания договора дед не посещает ни ваш мир, ни Феоссу. И буквально за месяц до этого сначала отправляется в Феоссу, потом на Лунный двор и опять в Феоссу. И дальше нет ни одного упоминания обоих миров.

— Считаешь, он перенёс юйсян туда? — спросил я, давая Фоле возможность высказать мысль до конца. Предположение получалось слабым, если учитывать упоминания других миров. — Почему не записал? Ты говоришь, инвентарная книга и журнал путешествий ведутся строго.

— Возможно, дед был не настолько аккуратным. Не как папа. Рвуций время он тоже не вписал как положено.

Фола перестала трепать тетради, она смотрела на меня с мольбой. Хотела, чтобы я поверил в её идею, но я не мог. Таких находок было достаточно, и они никуда не вели.

— Ты говорил, в вашем мире нет магии, связанной со временем, — сделала она ещё одну попытку. — Значит, гадатели создали Рвуций время, используя чужую магию, как они сделали это с камнями перехода. А если в Феоссе такая магия присутствует? Колокольца ведь, помимо прочего, отвечают за предсказания, получается, тоже имеют отношение ко времени. Возможно, он унёс их туда, чтобы показать.

— Или продать.

Фола шумно выдохнула и опустила глаза.

— Пусть будет продать. Но мы хотя бы будем знать наверняка.

Я откинулся на спинку стула и запрокинул голову. Уже не находил в себе сил идти и проверять хоть что-то. Напряжённое ожидание подтачивало меня больше двух месяцев, и, кажется, истончило волю.

— Считаешь, я не права?

— Я не уверен. Кто мешал Алексею продать юйсян в любом из других миров?

— Надеюсь, что совесть, — тихо произнесла Фола.

Она резко вскочила. Табурет со скрежетом проехался по полу. Фола сняла с полки у кровати стопку бумаг, выбрала одну из них и вернулась к столу с бумагой, ручкой и фигуркой слоника.

— Давай так, Фома неверующий: ты утверждаешь, что всё важное рождается в ночи и боги нам помогают. Так что сейчас ты попросишь своего Крылатого бога подсказать тебе, нужно идти в Феоссу или нет, а я попрошу своего. И наутро посмотрим, даст ли кто-нибудь из них ответ.

— Ты не веришь в богов. Кого ты собралась просить?

— Всех сразу, — голос её звучал радостно, будто мы собирались на прогулку. — И чтобы ты знал, в самых крайних случаях я верю. Но в кого именно верить, я не знаю, так что буду писать письмо Безвестному Богу.

— Фола, ты превращаешь всё в шутку.

— А ты в трагедию, — свет в её глазах сменился печалью. — Цзо, не уходи сегодня. Дай мне ещё немного подумать.

Я смотрел, как она пишет письмо своему придуманному богу, и с неохотой признавал, что остаюсь только ради неё. Отдаю ей одну лишнюю ночь. Я не собирался просить своего бога о помощи: уже убедился, что здесь он меня не слышит.

Фола закончила, сложила тетради друг на друга, сверху положила исписанный листок и придавила розовым слони-

КОМ.

— Что ты написала?

— Попросила Безвестного Бога дать мне знак. Желательно завтра же утром.

— Боги не следуют точным указаниям.

— Что делать, придётся в этот раз поторопиться.

— Слоник и есть твой бог? — теперь мне тоже стало смешно. Фола не верила. Всё это разыгрывалось для меня. Радовало, что она пытается защитить меня, пусть даже самыми нелепыми способами.

— Нет. Как животное может быть богом? Слоника мне подарили на удачу. Так что пусть отрабатывает.

Наутро Фола нашла что посчитать знаком. Я пообещал, что задержусь до двенадцати, пока утро официально не завершится. Около десяти в музей пришёл первый посетитель. Достаточно высокий мужчина с немолодым осунувшимся лицом и безволосой головой. От нечего делать я ходил у дальних витрин в конце зала, и мужчина заметил меня не сразу.

— Виолетта Сергеевна, здравствуйте, — поприветствовал мужчину, и я напрягся. Внешность и манера речи точно соответствовали описанию Фолы. Я знал, кто это. — Простите, что долго не мог проведать. В командировку отправили. А дальше, как обычно бывает, дела накопились — не вырваться. Как прошла ваша поездка, плодотворно?

— Опять будете притворяться, что переживаете за меня?

— Фола даже не пыталась быть вежливой.

— Почему же притворяться? Вы мне безразличны. Я уже говорил, вы очень напоминаете мою дочь. Не считайте меня собирателем сплетен, Виолетта Сергеевна, но я слышал, дела ваши стали хуже в последнее время.

Фола боролась с собой. Я видел, как она сжимает спинку стула и клонит голову вперёд, подавляя агрессию. И всё-таки не справилась:

— А не вы ли...

Я перехватил её взгляд и поднял руку ребром вперёд, показывая, чтобы она остановилась. Нельзя давать гневу управлять собой, особенно когда твой враг хитёр и внимателен.

Какое-то время Фола смотрела на меня. Это помогло ей сдержаться и не сказать того, чего не следует. Мужчина, проследив за её взглядом, обнаружил меня. Я наклонил голову в лёгком приветствии.

— Здравствуйте, — проговорил мужчина в мою сторону и снова развернулся к Фоле. — Смотрю, разговоры всё же не пустая болтовня. У вас появился поклонник?

— Сплетни всегда пусты, — Фола перебирала рукой звенья золотой цепочки, надетой поверх чёрной водолазки. — Что вы опять хотите, Вениамин Юрьевич, музей или что-нибудь новое придумали?

— Вы знаете, что музей. И хочу не я, а человек, готовый хорошо заплатить.

— И вы знаете, что он его не получит. Давайте закончим уже этот разговор.

— Опять вы рубите с плеча, Виолетта Сергеевна. Кому сейчас деньги мешают? Особенно когда работы почти нет, а вот желающих поживиться за чужой счёт хватает, как и проверок. Не читали? Новую миграционную программу взяли разрабатывать. Для преодоления негативных последствий стихийно развивающихся процессов миграции.

Мне показалось, Фола побледнела. Так, или нет, она улыбнулась и сказала почти дружелюбно:

— Не читала. Законы по вашей части. Вы, Вениамин Юрьевич, в следующий раз для меня заметку прихватите, я посмотрю. Сейчас я занята. У меня скоро дети из дворца придут, я Филиппу Мартыновичу что-то вроде открытого урока обещала. Подготовиться нужно.

— Не буду вас задерживать, — огладив подбородок, попрощался мужчина. — Но и вы меня с ответом не задерживайте, пожалуйста. До встречи.

— Угу, — сквозь сжатые губы подтвердила Фола.

Не дожидаясь, когда мужчина уйдёт, она обошла стол и, обняв себя за плечи, встала у окна. Ветер колыхал белую ткань тюля, как флаг. Я подошёл ближе. Взгляд Фолы был направлен далеко вперёд, за границы двора; лицо строго и почти спокойно.

— Такой знак тебя устроит? — спросила она, не поворачиваясь.

— Я его не увидел.

— Холков натравит на меня миграционную службу. Будут проверять, кто ты такой. Даже если тебя здесь не будет, объяснений и проверок не миновать. Чем тебе не повод исчезнуть? Когда вернёмся, дело уже затянется. Никому не хочется ловить призраков, если хватает других проблем. Так что на вторую просьбу Холкова вряд ли быстро отреагируют, — Фола опять взялась за цепочку. — Даже если ты откажешься, я собираюсь пойти и узнать, какого лешего мой же дед меня подставил, — Фола повернулась ко мне, в её глазах горел злобный азарт. — Но попытаются меня ещё раз обезглавить или не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.